

**Г. М. Иванова. История ГУЛАГа, 1918–1958:
социально-экономический и политико-правовой аспекты.
М.: Наука, 2006. 438 с.**

Фундаментальный труд Г. М. Ивановой посвящен истории возникновения и деятельности ГУЛАГа как карательной системы нового — советского типа за весь период ее существования (1918–1958 гг.). Несомненной заслугой автора является то, что впервые в отечественной и зарубежной историографии ГУЛАГ исследуется комплексно: и как социально-экономический, и как политико-правовой феномен советской власти.

В работе всесторонне и глубоко проанализированы теоретические и правовые основы советской репрессивной системы, scrupulously изучены причины и нормативная база создания и деятельности этого доселе невиданного карательного института. На основе ныне рассекреченных архивных материалов, включающих, в частности, бухгалтерско-финансовую документацию НКВД – МВД, детально рассмотрен процесс становления и функционирования советского лагерно-промышленного комплекса. Предметом тщательного изучения в монографии также стали так называемые специальные лагерные суды. Научный профессионализм автора, досконально исследовавшего широкий круг разнообразных источников, критически осмыслившего труды своих предшественников, убеждает в верности ее наблюдений и выводов.

Монография состоит из введения, девяти глав и заключения, а хронологически охватывает все 40 лет существования советской лагерной структуры. При этом, как справедливо подчеркивает автор, «основное внимание уделено периоду с конца 1920-х до середины 1950-х годов». Поскольку «именно в эти годы в СССР официально оформилась и функционировала система лагерного принудительного труда, ставшая основным каналом реализации карательной политики советского государства» (с. 13).

Территориальные рамки работы, как отмечает автор, «практически совпадают с территорией Советского Союза, поскольку подразделения ГУЛАГа были в каждой области РСФСР и союзных республиках. На сегодняшний день российские историки выявили и описали 476 лагерей, существовавших в разные годы на территории СССР. Как известно, почти каждый из них имел несколько филиалов, часто довольно крупных. К этому множеству лагерных подразделений следует прибавить не менее 2 тыс. колоний» (с. 13).

Глава первая: «История ГУЛАГа: проблема дискурса». В ней дается весьма исчерпывающий критический анализ практики всей вышедшей на сегодняшний день научной литературы (в том числе и зарубежной) по гулаговской теме. И в результате автор приходит к тревожному для молодой российской демократии выводу: «В современном российском обществе “лагерный дискурс” практически не поддерживается ни государством, ни зависящими от него прямо или косвенно средствами массовой информации, ни общественными деятелями», справедливо указывая в качестве одной из причин того — нежелание «общества и государства нести моральную и материальную ответственность за “грехи отцов”». И далее. Лагерная тематика, как «неприятная, практически полностью вытеснена из публичного пространства. Между тем проблема ГУЛАГа..., хотим мы этого или нет, до сих пор не утратила своего социального и политического звучания: ведь живы не только те, которые “сидели”, но и те, которые “сажали”, живы их дети и, что особенно важно, живы идеи, которые исповедовали и те и другие. В общественную жизнь регулярно вступают новые поколения молодых людей, и нетрудно заметить, что многие из них обнаруживают явную склонность к тоталитарным идеологиям. По этой причине нельзя допустить, чтобы ужасы лагерного прошлого были преданы забвению, “лагерный дискурс” должен быть продолжен в тех или иных формах» (с. 43).

Оценивая состояние источниковой базы исследования, автор подчеркивает: «тотальная секретность ушла в прошлое», что в значительной степени позволило строить исследование «на обширном комплексе архивных и опубликованных материалов как офици-

ального, так и личного происхождения» (с. 44), и «вести научный дискурс по проблеме ГУЛАГа объективно и достоверно» (с. 45).

Глава вторая: «Нормативная база политических репрессий». В ней автор, тщательно изучив и проанализировав все основные законодательные акты Советского государства, касающиеся карательной политики, от пресловутого «красного террора» (1918) до УК РСФСР (1961), приходит к следующему обобщенному выводу: «Нормативные акты, служившие основанием для политических репрессий, грубо нарушали не только нормы и принципы международного права, но и расходились с юридическими нормами советской правовой системы». Кроме того, как особо подчеркивается в главе, «эти противозаконные по своей сути нормативные акты систематически и грубо нарушались конкретными исполнителями. Действовавшее в СССР законодательство, сохранявшее в определенной мере видимость законности, недопустимым образом корректировалось в сторону ужесточения репрессий секретными приказами и ведомственными инструкциями, негласными распоряжениями “директивных органов”, устными указаниями партийного руководства». «Все эти “юридические новеллы”, а именно они в первую очередь регулировали деятельность карательных органов, не имели ничего общего с принципами правосудия, попирали элементарные нормы судопроизводства» (с. 90).

В главе третьей «Репрессивная политика и ее институционные основы» автор подробно излагает историю возникновения и раскручивания большевистского террора. Особое внимание уделено деятельности ВЧК, наделенной уже в феврале 1918 г., почти сразу после ее создания, внесудебными полномочиями, т. е. правом определять меру наказания без рассмотрения дела в суде. Почин был положен, и вскоре такие права получили и другие многочисленные «карающие мечи пролетариата» — чрезвычайные комиссии, президиумы исполкомов, революционные трибуналы, военно-полевые трибуналы, следственные комиссии, штабы армий, реввоенсоветы и др. Заметим, каждый такой «революционный орган» выносил в основном смертные приговоры, и вся эта правовая вакханалия творилась от имени «первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян». Как известно, от красного террора в годы Гражданской войны погибло во много раз больше людей, чем на всех ее фронтах.

После окончания братоубийственной войны ВЧК, полностью выполнившая свою «очистительную» миссию, была упразднена, а ее функции переданы НКВД и образованному при нем ГПУ, надзор за следственными действиями которого должен был осуществлять Наркомюст. Но это продолжалось недолго. Уже в октябре 1922 г. ВЦИК наделил ГПУ «правом внесудебной расправы вплоть до расстрела» (с. 103). Все вернулось «на круги своя», и так продолжалось до 1953 г. В последующие годы подобные органы больше не создавались, хотя, как известно, внесудебные репрессии практиковались достаточно широко.

С интересом читается **глава четвертая «Становление советской лагерной системы»**, охватывающая первое десятилетие советской власти. Как пишет автор, «большевики в своей карательной политике старались отойти от традиционной практики применения наказания в виде тюремного заключения. Постепенное разрушение исторически сложившегося тюремного аппарата... шло параллельно с формированием сети новых карательных учреждений, неизвестных ранее в России, — лагерей принудительного труда, ставших впоследствии карательной политикой советского государства» (с. 128). В работе подчеркивается, что теоретические и практические основы советской лагерной системы, главную часть которой составлял ГУЛАГ, были заложены еще в годы Гражданской войны.

И если как карательные учреждения (в теоретическом значении), лагеря принудительного труда начинались в «нуля» (в этой сфере большевики были «первопроходцами»), то материальная основа для их создания была обширная. За годы Первой мировой войны русская армия взяла в плен множество вражеских солдат и офицеров. Все они содержались в концентрационных лагерях, разбросанных по всей России, а после подписания Брестского мира в марте 1918 г. были выпущены на свободу (по крайней мере там,

где была установлена власть Советов). Освободившиеся места вскоре начали заполнять «врагами народа». Кроме того, для организации лагерей стали использовать монастыри. Автор отмечает, что декрет СНК «О красном терроре» (сентябрь 1918 г.), указавший на необходимость изолирования «классовых врагов» в концлагерях, придал новым карательным учреждениям официальный статус. «Главным инициатором использования концлагерей в качестве репрессивной меры, — справедливо утверждает исследователь, — был председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский... Именно он разработал концепцию советской лагерной системы и до конца своей жизни последовательно претворял ее в жизнь» (с. 129).

Одной из ключевых в работе является *глава пятая «ГУЛАГ — карательная система нового типа»*. В ней показано, что карательная политика всегда шла «в ногу» со временем, и «великий перелом» в этой области также произошел именно в 1929 г. В тот год ОГПУ (на основании решений Политбюро ЦК ВКП(б)) с особым рвением приступило к организации новых крупных лагерей. Как грибы после дождя, на территории СССР стали появляться различные УСЕВЛОНЫ, УВЛОНЫ, ДАЛЪУЛОНЫ, СИБУЛОНЫ и другие подобные места заключения. Их быстрый рост свидетельствовал о том, что власть круто изменила акценты в карательной политике, сделал ставку на создание глобальной системы принудительного труда, краеугольным камнем которой стал ГУЛАГ, а движущей силой — ОГПУ. Кроме лагерей и колоний, в 1930-е гг. в системе ГУЛАГа организовывали трудовые поселения и спецпоселки. По подсчетам автора, к концу 1940 г. в них находились около 1,2 млн человек, а в исправительно-трудовых лагерях и колониях — около 1,9 млн заключенных. Всего за годы существования ГУЛАГа в его сферу прямо или косвенно были втянуты десятки миллионов граждан. Тем не менее, как подчеркивает автор, «можно утверждать, что советское общество имело смутное представление об истинных масштабах и назначении гулаговской репрессивной системы» (с. 217). Именно ГУЛАГ позволял сталинскому руководству бесконтрольно насаждать в обществе любые чрезвычайные меры, держать народ в слепом повиновении и рабской покорности, уничтожать в зародыше ростки инакомыслия.

Весьма информативна *глава шестая «От “школ труда” к лагерно-промышленному комплексу»*. Идея использования труда заключенных, как показано в работе, принадлежала Ф. Э. Дзержинскому. Еще в феврале 1919 г. на одном из заседаний ВЦИК он предложил использовать труд заключенных путем создания в концлагерях «школ труда». И уже к середине 1921 г. в лагерях НКВД насчитывалось более 350 производственных мастерских и около 20 совхозов. При этом «было бы неверно утверждать, — подчеркивает автор, — что принудительный труд заключенных играл сколько-нибудь существенную роль в экономике страны в годы Гражданской войны или в период нэпа. Однако именно в те годы закладывались основы будущей лагерной экономики, ставшей впоследствии существенной частью хозяйственной системы Советского Союза» (с. 225–226). Уже к концу 1920-х — началу 1930-х г. в стране сформировалась сеть концлагерей, имевших четко выраженную отраслевую направленность — лесозаготовительные, сельскохозяйственные, строительные и т. д.

Говоря о развитии лагерной экономики, автор отмечает: «несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х г. были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников» (с. 233). Но в целом в лагерной экономике доля их труда «была хотя и значительной, но не определяющей. Основу гулаговского хозяйства, — справедливо утверждает автор, — составляли лагеря с их огромным резервуаром мобильной и практически бесплатной рабочей силы. За годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерных комплексов и колоний» (с. 234). «Условия труда» заключенных были поистине нечеловеческими. Только за годы войны в 1941–1945 гг., по подсчетам автора, в лагерях умерло свыше 1 млн человек (и это без учета расстрелянных) (с. 261).

В следующей, *седьмой, главе «Послевоенные репрессии и ГУЛАГ»* показано, что окончание войны не принесло политическим заключенным ни амнистии (по случаю по-

беды над Германией), ни облегчения участи. Наоборот, уже в первые послевоенные годы наметилось ужесточение карательной политики, острее которой было направлено в первую очередь против тех, кто по разным причинам сотрудничал с противником. Наиболее активную роль в карательной политике послевоенных лет стали играть военные трибуналы.

Как показано в работе, именно во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. были изданы десятки указов, постановлений, инструкций, приказов, грубо нарушавших советскую конституцию и элементарные права человека. Достаточно назвать указ о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами или об уголовной ответственности за хищение государственного имущества, по которому за 300 гр. подобранного с пола товарного вагона зерна давали 7 лет лагерей (с. 281).

В те годы объектом пристального внимания карательных органов стала молодежь. Один за другим следовали процессы по делам различных нелегальных молодежных организаций и групп («Коммунистическая партия молодежи», «Союз борьбы за дело революции», «Коммуна» и др.). И хотя следователи, как показал автор, так и не смогли доказать антисоветский характер ни одной из них, приговоры выносились самые суровые — до 25 лет лишения свободы.

После смерти Сталина, хотя и не сразу, наступили кардинальные перемены в системе ГУЛАГа. В 1954 г. ЦК КПСС издал ряд директив, направленных на «восстановление социалистической законности». Они способствовали, как показано в работе, некоторой гуманизации лагерной системы, заметно смягчили режим содержания политзаключенных, ограничили произвол лагерной администрации, ввели 8-часовой рабочий день и т. д. Началось и постепенное выборочное освобождение осужденных по политическим мотивам, но только после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) этот процесс получил идеологическое обоснование и стал протекать более интенсивно.

Хронологически **восьмая глава «Лагерная экономика в послевоенный период»** совпадает с предыдущей. По подсчетам автора, например, в 1949 г. валовая продукция «лагерной» промышленности составляла в среднем 10 % общей по стране, а по добыче платины и алмазов — 100 %, золота — 90 %, олова — 70 %. Однако, несмотря на столь высокие показатели, «лагерная экономика как целостный хозяйственный организм, — пишет автор, — могла существовать только в условиях административно-распределительной системы, когда правительственное постановление и партийная директива заменяли естественные хозяйственные связи, игнорируя закономерности развития производства» (с. 360). К тому же принуждение заключенных к труду основывалось преимущественно на силовых методах, не способных обеспечить ни выполнение производственных заданий, ни повышение качества продукции. Помимо всего прочего, как показано в работе, «производственная деятельность ГУЛАГа наносила материальный ущерб не только народному хозяйству, весьма серьезные потери наблюдались и в области экологии... ГУЛАГ одинаково не щадил ни людей, ни природу» (с. 381).

Как показано в работе, в целом «лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании разных видов принудительного труда прежде всего заключенных, к середине 1950-х годов прекратила свое существование. Ее символическим концом можно считать дату 4 июня 1956 г. В этот день Президиум ВС СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах» (с. 389).

Заключительная **глава девятая «Лагерная юстиция»** посвящена истории возникновения и деятельности лагерных судов. По мнению автора, их появление было обусловлено тем, что к концу Великой Отечественной войны «ГУЛАГ окончательно оформился в гигантский лагерно-промышленный комплекс, превратился в мощную структуру, действительно напоминающую “государство в государстве”. А всякое государство, как известно, создает свою собственную судебную систему». Именно поэтому создание специальных лагерных судов, по справедливому утверждению исследователя, «явилось закономерным этапом на пути дальнейшего развития и укрепления советской репрессивной системы»

(с. 395). Как доказано в работе, это были не органы правосудия в прямом смысле: их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех беззаконий, творившихся в лагерях. Именно они помогали лагерной администрации поддерживать на нужном уровне «дисциплину». По подсчетам автора, лагерные суды осудили около 200 тыс. человек (с. 419). Они были «чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор сталинского режима» (с. 419).

В заключение немного статистики. По подсчетам автора, максимальный уровень концентрации заключенных в местах лишения свободы отмечался летом 1950 г., когда там содержалось более 2,8 млн заключенных. Такое же число граждан находилось в ссылке и на спецпоселении. Всего же за 40-летнюю историю ГУЛАГа через лагеря, колонии и тюрьмы прошло более 20 млн человек, каждый пятый из которых был осужден за так называемые контрреволюционные преступления (с. 423).

Монография Г. М. Ивановой, результат многолетнего кропотливого труда, имеет большое научное и общественное значение, представляет собой оригинальное, во многом новаторское исследование, развивающее и обогащающее отечественную историографию. Еще одно бесспорное достоинство книги — хороший литературный язык, благодаря чему с ней могут познакомиться не только специалисты, но и все, кого интересует прошлое нашей Родины, в том числе одна из его трагических страниц — история ГУЛАГа.

*С. Н. Базанов, д. и. н.
(Москва)*

**Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);
Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 351 с.**

Солидарность рецензента с оценками последней по времени монографии Е. Ю. Зубковой «Прибалтика и Кремль. 1940–1953» возникла с первых же страниц книги, когда речь зашла о символических «балтийских» ассоциациях советской эпохи. Ныне, конечно, ассоциативный ряд видоизменился под влиянием новых геополитических реалий и современного «балтийского» дискурса. Демократические перемены в ряде стран Прибалтики неожиданно обернулись этнократическим рывком и появлением на задворках Евросоюза далеко не политкорректных систем «балтапартеида», практикующих к своим «не гражданам» и гражданам дискриминационные нормы по этнолингвистическому принципу. Неоднозначный процесс исторической самоидентификации прибалтийских этносов, не лишенный определенных моральных издержек, а также «историческая» дипломатия прибалтийских государств стали в последнее десятилетие регулярным раздражителем для российской стороны. Вполне справедливо академик А. О. Чубарьян осуждает тенденцию политизации истории, характерную для Латвии^I, правда, слова именитого историка заставляют задуматься над тем, а не наблюдаются ли аналогичные процессы в самой России. К сожалению, реакция Москвы, порою запоздалая, не всегда прагматичная или последовательная, гораздо ощутимее влияет не на официальный Таллинн или Ригу, сколько на условия работы российских гуманитариев. Достаточно вспомнить историю с документальным сборником «СССР и Литва в годы Второй мировой войны»^{II}, кото-

^I Чубарьян А. О. Нельзя делать историю заложницей современной политики // Известия. 2006. 13 сентября.

^{II} СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика. Март 1939 – август 1940 гг. Сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006.